

Глава 7

Когда копаешь яму – комья куда-то надо кидать

Я слышал нарастающий рев позади меня со стороны противоположной трибуны футбольного поля. Мне даже не было нужды отрываться от очереди к ларьку с напитками, в которой я стоял, и разворачиваться в сторону происходящего, чтобы понять – для моей альма-матер этот гул не к добру. Я с любопытством вытянул шею как раз вовремя, чтобы увидеть оранжевую майку игрока Секвойя Тройанс, который стремительно пересек линию ворот с поднятыми в восторге руками. Его тут же окружила толпа соратников.

Мне оставалось только выдохнуть в разочаровании и в досаде покачать головой. Продержавшись со счетом 3-0 пол-игры, выигрывая у своих наделенных большими преимуществами противников, Пондероза Беарз пропустили 70-ярдовый пас тачдаун первого розыгрыша во второй половине игры, чем и нейтрализовали свое преимущество. И это была не просто очередная игра. Это был розыгрыш кубка Бронзовый Колокол, переходящего от одной к другой из двух ведущих школ в Кингстоне, который за 45-летнюю историю мистическим образом пропорционально равно удерживался ими обеими. Победитель получал Бронзовый Колокол, громадный трофей, из настоящего колокола, который висел в старой башне бывшей школы, и в придачу право бахвальствовать целый год.

Не было ничего более важного для старшеклассников, чем выиграть кубок на последнем году учебы, да и старые выпускники желали этого ничем не меньше. «Секвойя» удерживали Бронзовый Колокол вот уже шесть лет, и я надеялся, что позору будет положен конец сегодняшней игрой. Первая половина игры выглядела многообещающе, но я то знал, как легко один момент может развернуть игру именно в таком как сейчас направлении.

Возвращаясь взглядом от места событий к очереди, я вдруг остановился на знакомой фигуре, облокотившейся об ограду и внимательно следившей за игрой. С моего угла зрения было трудно оценить, не ошибался ли я, учитывая то, что человек этот был одет в пальто большого размера и трикотажную шапочку, как впрочем, и все – погода была не жаркой. Ну, а уж когда лицо его развернулось в сторону табло, я увидел его в профиль – сомнений не осталось. «Уж где- где, но тут?!», - подумал я. Что он здесь делает?

Я оставил свою очередь и пошел выяснять. Я подошел со спины и сгреб его за плечи. «Что ты тут делаешь?» - я был почти уверен, что встреча была круто организована Джоном, но когда он обернулся, чтобы посмотреть, кто это его схватил за плечи, в его глазах отразилось искреннее удивление. Улыбка осветила его лицо, он обернулся и обнял меня. «Джейк, как я рад тебя видеть. Я надеялся, что ты тут будешь».

«Я как-то и не предполагал, что ты футбольный болельщик»,- ответил я, кивая в сторону поля.

«Я и, правда, не из них, но понимаю, что тебе невозможно было находиться в Кингстоне и не попасть на такое зрелище. Ничего подобного в жизни не видел... фейерверки в начале игры и такая возбужденная толпа зрителей!»

«Обычно это весьма напряженное состязание. Несколько лет назад его даже освещали в *Иллюстрированном Спорте*. А сегодня в ход идет все, что звенит и свистит. Ну, а что тебя привело сегодня в наш город?»

«Я встречаюсь с несколькими людьми, а с одним из них договорился встретиться тут. Как дела у Андреа?»

«Со времени той молитвы, которую ты над ней произнес в прошлом месяце, не было никаких признаков астмы. Я так благодарен Богу!»

«Это прекрасно! А у тебя тоже дела получше?»

«Смиряюсь. Не могу сказать, что все прекрасно, но я действительно принял к сердцу все слова, которые ты сказал мне в прошлый раз, Джон. Я молился и просил Господа помочь мне видеть Его любовь к себе даже тогда, когда все идет не так легко, как хотелось бы. С финансовой стороны дела все еще внатяжку, но я могу поделиться очень интересными случаями о том, как Бог обеспечивал нас».

«И как же?»

«Я все еще работаю в недвижимости, но дела идут не очень активно. Однако за это время меня приглашали подработать на покраске или на разработке ландшафта участка те, кто не успевал с этим сам. Несколько людей даже благословляли нас значительными подарками – было всегда как раз кстати. Я не мог смириться и просто взять эти подарки. Однако эти люди говорили, что Бог положил им на душу отдать это нам. И всякий раз, когда так происходило, то, что нам дарили, обязательно было востребовано.

«Разве это не удивительно?»

«Денег Он дает, конечно, в обрез, если ты меня спросишь. Несколько недель назад я продал свое первое промышленное здание. Когда платежи пройдут, для нас это будет значительная поддержка».

«Нужно только помнить, что Его не заботит завтра, просто потому, что Он уже о нем позаботился. Он приглашает тебя пережить радость момента, разделяя то, что Он предлагает именно сейчас. Свобода такого элементарного следования за Ним, изменит многое в твоей жизни. Он любит тебя, Джейк и желает, чтобы ты жил в укрытии этой любви, не пытаясь ничего просчитывать на будущее».

«Понимание этого только лишь начало мне открываться. Я уже долгое время вновь и вновь перечитываю Послание к Римлянам, восьмую главу, пытаюсь понять, что же Павел хотел сказать. Кажется, Павел обрел свою уверенность в Божией любви, приняв ее из того, что Христос исполнил на кресте. Все то, что он узнал об этом, обеспечило его стойкость в том, чтобы никогда не ставить Божью любовь под сомнение, вне зависимости от того, как бы сложно не развивались события в жизни. Я всегда рассматривал крест как символ суда, а не любви, по крайней мере, с точки зрения Бога. Я знаю, что Иисус возлюбил нас настолько, что пришел умереть за нас, но разве не Сам Бог Отец провел Христа через все эти страдания? И если Он так обошелся со Своим Единородным, который был абсолютно безгрешен, то как это докажет мне, что Он любит меня?»

«Ты смотришь с точки зрения общепринятого понимания. Слишком много людей рассматривают крест как акт Божьего Суда. Для исполнения праведного суда, Бог применяет высшую меру наказания к Своему Сыну, таким образом удовлетворяя свой гнев и оставляя нас без наказания. Замечательная новость для нас, но что это говорит нам о Боге?»

«Вот это меня всегда и волновало. Я понимал, насколько Христос любит меня, но лишь такое понимание уж точно не располагало моих чувств к Отцу».

«Но Отец видит крест с другой стороны, Джейк. Его гнев был не тем наказанием, которого заслуживал грех, а противоядием от его власти. Замысел креста, как писал Павел, заключался в том, что Бог сделал Сына своего грехом - самим грехом, - для того, чтобы осудить и убрать его вообще с пути. Его план был не просто обеспечить пути к прощению греха, а уничтожить его навеки, чтобы мы могли жить свободно».

«Но как Отец мог провести Сына Своего через все это?»

«Не надо думать, что Бог в тот день был просто наблюдателем. Он был во Христе и примирял мир с Собою. Это то, что они произвели вместе. Это была не просто жертва, востребованная Богом, чтобы любить нас, а жертва, предоставленная Самим Богом в том, чтобы восполнить то, что было необходимо нам. Как это живо представил себе Павел – будто некто встал на пути у дикого коня и оттолкнул нас в безопасное место. Он был раздавлен всей тяжестью греха, чтобы мы были спасены от него. Сама мысль невероятна».

«И именно та, которую я хочу понять получше», - отозвался я. «Я думаю, что я всего лишь только начинаю понимать, как далеко увела меня церковь».

«Неужто?»- вот такие восклицания Джона я слышал много раз, обычно они сопровождались широким раскрытием глаз и смешком в голосе. «Не думаю, что церковь уводит людей в сторону. Религиозные организации могут, но давай не будем путать это с церковью, или с тем, как ее видит Бог».

Его терминология сбивала меня с толку окончательно, но я продолжил: «Спустя несколько дней после нашего последнего разговора, я созвонился с Беном Хопкинсом. Раньше он был заместителем на моей домашней группе до того, как меня не выпроводили из Городского Центра. Он сейчас увлечен новым движением, которое известно как домашняя церковь, и уже нашел много информации по этому поводу в Интернете. Мы с ним хотим начать одну такую на этих выходных».

«Вы хотите?!» - энтузиазм Джона оказался значительно ниже, чем я ожидал.

«Да. Ну, а разве не так все начиналось? Ранняя церковь встречалась по домам у верующих. Они не выстраивали глобальных организаций. И духовенство не вело за них дел. Они просто разделяли общение как братья и сестры. Именно этого я и ищу с тех пор, как стал верующим. Я всегда думал, что наше понимание об устройстве церкви больше создавало проблем, чем их решало.

Это единственный ответ на мой вопрос, он разбудил во мне радость и стремление. И по всему миру сейчас, кажется, тысячи и тысячи людей отказались уже от традиционных церковных собраний и пытаются вновь открыть для себя ту жизнь, которой жила ранняя

церковь. Многие называют это движение Божьим прорывом последних времен, которым Он очистит свою церковь».

«Ты хочешь сказать, что это произойдет просто из-за того, что верующие начнут встречаться по домам?»

Его явный цинизм меня обескуражил: «А ты, значит, так не думаешь?!»

«Пойми меня правильно, Джейк. Поиск более рациональных путей в том, чтобы разделять свою жизнь с другими верующими – прекрасное направление. Но элементарное перенесение собрания в дома не совершит того, на что ты надеешься».

«Мы это знаем. У нас уже есть группа из пяти семей, и они не просто хотят начать домашнюю церковь, но и желают жить как община. Наше первое собрание в воскресенье вечером. Не желаешь присоединиться?»

«Очень бы хотел посмотреть, что вы там будете делать, но боюсь, Джейк, что в твоём городе я так долго не задержусь».

Именно в этот момент я увидел еще одно знакомое лицо, направлявшееся ко мне. Пристальное исследование лиц в толпе стало просто привычкой с тех пор, как я покинул Городской Центр. Обо мне гуляло столько домыслов, что я устал их все выслушивать. А вот теперь самый злостный сказочник с «мельницы сплетен» должен был пройти мимо меня. Тот самый Боб, член Совета церкви, человек, с которым мы состояли в одной группе подотчетности и взаимной ответственности. Как раз тогда, когда я уже думал, он меня не заметит, наши взгляды встретились. Пытаясь быть вежливым, я протянул руку: «Боб, как поживаешь?»

Он нахмурился, развернулся и вскоре растаял в толпе. Я чувствовал себя полным идиотом с протянутой рукой. Лицо залило краской при осознании того, что Джон все это видел. «Терпеть не могу, когда так поступают», - сказал я, поворачиваясь лицом к полю. Джон развернулся в этом направлении тоже, поставив одну ногу на нижнюю перекладину ограждения и опершись локтями о верхнюю.

«С тех пор, как я ушел из Городского Центра – все то же самое. Люди, которые были близкими друзьями, разворачиваются и уносятся прочь, как будто никогда меня не знали. Боб и я были друзьями. Несколько месяцев назад я поддержал его в трудной ситуации, когда он проходил через сложные времена – проблемы с женой... а теперь он даже руки мне не подает». Я покачал головой в недоумении. «И это еще не самое тяжелое».

«Не самое?»

«Я, конечно, терпеть не могу, когда люди, которые были друзьями, поворачиваются ко мне спиной, делая вид, что не заметили меня. Но эти-то хоть поступают более честно, чем те, которые плюют мне вслед, а на публике подбегают с объятиями и улыбками, делая вид, что ничего не произошло. Недавно на свадьбе столкнулся со своим бывшим пастором. Он тут как тут, подбежал, обнял, словно мы с ним друзья не разлей вода, а сам-то так и выпячивался, чтобы побольше людей заметило, какой он любвеобильный. Хотелось оттолкнуть его подальше, но не удобно было, жест был бы не очень вежливый».

«Это жутко печально, Джейк».

«Печально?! Да этому даже описания не подобрать!»

«Вот, значит, какие чувства от него ты испытываешь?»

«Я говорил не о его презрении ко мне, а о своем!»

«И я тоже, Джейк. Презрение других людей к тебе не может тебя касаться только в том случае, если ты не играешь в эту же игру».

«О какой это игре речь?» Именно в этот момент вопли с поля привлекли мое внимание к тому, как мяч, в результате затяжного паса свалился с неба прямо в руки очередного непобедимого Трояна, который благополучно не задетый никем рванул на последнюю зону.

«В этом году продуем опять», – пробормотал я злобно. Явно было, что предстоял еще один год унижений по поводу поражения моей альма-матер.

«О какой игре я говорю? Да вот об этой! Все то, чего ты стоишь, сейчас привязано к тому, что смогут или не смогут сделать на этом поле пятьдесят школьников. Ты в игре, Джейк, и поэтому чувствуешь себя по-идиотски, когда люди не знают, как на тебя реагировать».

«Джон, ты о чем? Это же просто футбол, а я говорю о человеке – о живой крови и плоти».

«И я тоже. Привязывание своей сущности, своего достоинства к пятидесяти школьникам или ко лжи, которую кто-то распространяет о тебе – та же самая игра».

Трояны получили еще одно очко, я знал, что игра выходит из рамок моего ожидания:

«Кроме того, игра не честная».

«Не честная?»

«Нет. Тот защитник, который пробросил все тачдауны, должен был играть за нас. Он раньше жил в Пандероза, а когда перешел в старшие классы, перевелся в Секвойя. В этом городе лучшего спортсмена не найти. Ходят слухи, что тренер Секвойя всеми честными, а чаще нечестными путями заполучил парня к себе. Говорят, он посулил мальчишке бесплатное обучение в школе и поступление в колледж на дневное отделение после выпуска».

«Ты это точно знаешь?»

«Все об этом знают, Джон. Говорят даже, что у ребенка проблемы с наркотиками, а в школе это тщательно скрывают, чтобы он мог за них играть. С ним то им и региональный выигрыш обеспечен».

«Я правильно понял, ты говоришь о Крее Хансене?»

«А ты, что и его знаешь?»

«Я его отца хорошо знаю. Это он тот человек, с которым я завтракал, когда встретил тебя тогда утром в кафе, почти год назад. Я не думаю, что ты, Джейк, располагаешь правильной информацией. Крег – замечательный ребенок, и могу тебя заверить – у него нет проблем с наркотиками».

«Дела это не меняет - он оставил нашу команду».

«Ты, видимо, вообще ничего не знаешь. У мальчика умерла мать, когда он был в восьмом классе, и в этом же году рухнули все дела у отца. Они больше не могли содержать свой дом, им пришлось переехать к сестре отца и жить двумя семьями. Возможности возить мальчика на тренировки в школу, через весь город не было никакой. Парня и самого такой разворот событий просто убил. У него даже теперь в новой команде нет друзей. Его уважают за крепкий бросок, но вне игры он остается одиноким ребенком, потому что никто не проявляет к нему интереса в новой школе».

«Отличается от того, что мне говорили раньше».

«Но это правда. Я прошел с его отцом через все».

«Почему же он ни с кем не поделился? Парень просто пропал, а потом вдруг появился в команде ненавистных соперников?»

«Ему было трудно объяснять все одноклассникам. Его проблема не многим отличается от твоей».

«Что это значит?»

«Это значит, что он тоже знает, каково это, когда от тебя отворачиваются при встрече в супермаркете».

«Один- ноль», - я покачал головой, улыбнувшись Джону. Как это я никогда не могу понять, в какую сторону он клонит, до тех пор, пока не становится очевидно. «Я отношусь к Крегу так же, как все те относятся ко мне».

«Это только одна сторона медали, Джейк. Ты пойман в забег, призом в котором является благоприятное мнение о тебе. Это игра, которой правит общество. Делаешь то, что от тебя ожидают – получаешь нескончаемый поток благорасположения. Перейдешь им дорогу – и они распнут твою репутацию, имея или не имея на то фактов».

«Мне жаль, что с Крегом все так. Я не знал».

«А мне жаль, что с тобой все так, Джейк. Религиозная система, чтобы выжить, должна играть в эту игру».

«Вот почему из «восходящей звезды» я так легко превратился в отбросы общества?»

«Именно так», - отозвался Джон. – «И почему ты мог бы вернуться на горизонт в качестве все той же «восходящей звезды» на следующий же день, если бы вернулся и раскаялся в проступке. Твое возвращение отпраздновали бы так же мгновенно, как и решение указать тебе на дверь. Все имеет смысл до тех пор, пока ты остаешься в игре».

Мы оба уставились на футбольное поле. Но я уже давно не следил за ходом игры. И тут вдруг меня осенило: «Так значит, несмотря на то, что я ушел с поля игры, я все еще продолжаю в нее играть?»

«Однозначно», - улыбнулся Джон, - «Легко выпасть из системы – тяжело вырвать ее из своего нутра. В эту игру играют и внутри системы и вне нее. Благорасположение, которое ты имел тогда, исходило из того же самого источника, что и презрение теперь. Вот почему тебе так больно, когда до тебя доходят глупые слухи или когда ты видишь, как прежние друзья отворачиваются в смущении. Истина заключается в том, что многие из этих людей по-настоящему беспокоятся за тебя. Они просто не знают, как это теперь выразить, поскольку ты больше не играешь за их команду. Они не плохие люди, Джейк, - просто братья и сестры, затерявшиеся в том, что не настолько духовное, насколько они об этом думают».

«Андреа, моя дочь, - сказала, что на прошлой неделе случайно услышала разговор двух учителей. Они не знали, что девочка находится за дверью туалетной комнаты, когда проходили мимо. А она, услышав мое имя, решила задержаться и послушать. Андреа узнала голос одного из них, который принадлежал к совету служителей в Городском Центре и преподавал у них в школе. Он делился со своим коллегой, как мой уход неблагоприятно повлиял на церковь, и, что по слухам у меня проблемы с алкоголем».

«Ну и как она отреагировала?»

«Я спросил, что она по этому поводу думает, и, честно говоря, ее ответ меня поразил. Она сказала: ‘Папа, когда копаешь яму, - я полагаю – грязь, которую ты кидаешь, летит в тех, кто стоит рядом’, - и тут же убежала играть дальше».

Джон смеялся от души так, как я никогда раньше не слышал. «Вот это молодец! Просто невероятно, как дети могут видеть все насквозь, игнорируя всякие игры. Ее мнение о тебе не меняется и не зависит от того, что могут говорить другие. Она – вне игры».

«Но почему те другие люди не могут понять, насколько эта игра разрушительна? Они же верят в ложь!»

«Они не хотят этого понимать, Джейк. Религиозная система играет на страхах людей тогда, когда они еще не научены тому, как жить в Отцовской любви, следовать Его голосу и полагаться на Него во всем. А потом они уже и не могут сделать ничего против того места в игре, которое они заняли, - иначе просто не будут знать, как быть дальше. Помнишь нашу прогулку по вашей воскресной школе примерно год назад? Мы привязываем людей к системе кнута и пряника с ранних лет, так что они знают, как использовать эту систему ценностей в течение всей жизни».

«И часть обучения включает то, как изолировать тех, кто не желает принимать участия в игре», - я глубоко вздохнул. «Я то точно знаю, как это делать. Просто с другой стороны оказался впервые – и понятия не имел, каково оно – быть тут».

«Организованность производит такой тип дружбы, в основании которой лежит совместное достижение определенных задач. Пока вы нацелены на одну и ту же задачу – вы друзья. Если нет – к тебе просто относятся как к поврежденному товару. Теперь ты знаешь, каково

это – быть по другую сторону, и основное, что производит в тебе сейчас Христос – это полное освобождение от участия в игре, чтобы ты мог глубоко прорасти в Его жизни, а не беспокоиться о том, что могут о тебе думать другие».

«Меня это мучило всю мою жизнь».

«И пока тебе важно знать, что о тебе думают другие люди, важно получить от них одобрения твоих действий, - ты всегда будешь оставаться жертвой, потому что всегда найдется кто-либо, желающий сказать о тебе ложь».

«И что тогда – просто принять это как есть?»

«Ты еще узнаешь, как наилучшим образом с этим справляться, но это потом. Сейчас тебе есть смысл понять, что необходимость убедить других в том, что ты прав на самом деле – твоё стремление, а не стремление Бога. Ты когда-нибудь замечал то, что Христос слишком мало уделял внимания тому, какую реакцию он вызывал на публике? Тогда, когда Его не понимали, и даже обвиняли в ужасных преступлениях, Он никогда себя не оправдывал, и более того, никогда не позволял этому увести Его в сторону от того, что наметил для него Отец».

«То есть, Он просто не вступал в игру».

«Абсолютно точно, Джейк, а теперь Он еще помогает и тебе прекратить в нее играть. И когда это произойдет, ты не поверишь, с какой легкостью ты сможешь помогать другим обретать эту свободу».

«Думаю, что уже свершилось. Я больше не играю!»

Джон снова усмехнулся: «Хотелось бы, чтобы это свершилось вот так легко. При всем осознании неправоты тех, кто осуждал тебя, ты все-таки реагировал. С чего ты думаешь, что все прямо сейчас и закончится? Это немного еще протянется для тебя, Джейк, - это процесс. Даже боль отчуждения – и то, часть всего этого. И Господь использует все вокруг тебя, для того чтобы помочь тебе понять: гораздо важнее, что Господь думает о тебе, чем то, что думают о тебе окружающие люди».

«Вот почему я так увлечен мыслью о нашей новой домашней церкви. Здесь то мы сможем иметь дело с настоящими отношениями, именно такими!»

Я ожидал услышать слова поддержки и одобрения в моем движении к новому, но он посмотрел на меня так, словно я не понял ни слова из всего того, что он сказал.

Я задумался на мгновение, почему бы это, - и тут меня осенило снова: «Это что, тоже игра?»

«Не обязательно», - ответил Джон. - «Но в том смысле, как ты к этому подходишь, может стать ею».

«Что ты имеешь в виду?»

«Если для тебя это является лишь новым местом для того, чтобы показать, кто ты есть и закопать свой позор, доказав всем, что ты можешь основать такую церковь, какая другим даже и не снилась, то ты просто утоляешь тот же голод, только продукты – из другого холодильника. Я понял это, когда ты назвал это движение великим Божьим прорывом. Ты все еще рассматриваешь себя конкурентом другим братьям и сестрам. Невозможно любить того, с кем состязаясь, а если ты ведешь счет очкам, то – будь уверен – ты состязаясь».

«Значит, нам даже не стоит начинать?»

«Я этого не сказал, Джейк. Я надеюсь, что ты просто доверишься Богу и позволишь Ему ввести в твою жизнь тех братьев и сестер, с которыми Он назначит тебе пройти часть твоего пути теперь. Меньше всего думай о том, чтобы «начать» что-то, просто учишь разделять свою жизнь в Боге с другими людьми, которых Бог вывел на тот же путь, что и тебя. Не пытайся подкормить свое стремление быть большим праведником, чем другие. Не делая этого, ты сможешь более точно понять, что Он производит в тебе».

Именно в этот момент кто-то схватил меня в тесные объятия со спины. Сердце екнуло, мысли понеслись в догадках, кто же это может быть, пока я не услышал слова: «А я-то думаю, куда ты мог подеваться?» - это была моя жена, Лори, - «И где же поп-корн, где содовая?»

Я обнял ее и, оглянувшись, вдруг обнаружил, что игра почти закончилась. «Я тут встретил кое-кого и увлекся беседой. Вот, позвольте представить – это Джон, тот, о котором я тебе столько рассказывал».

«Не может быть», - сказала она, прижавшись ко мне и подав Джону руку для пожатия.

Он пожал ее руку и улыбнулся: «Очень приятно с вами наконец-то познакомиться».

«Ну, на 2000 лет вы конечно не тянете», - сказала Лори к моему стыду, оценивая его с прищуром. Все прошедшие беседы с Джоном и наша дружба как-то вытеснили мои первоначальные догадки о том, что он мог бы быть Апостолом Иоанном.

Я попытался, было вставить что-то, но Джон меня опередил: «Внешность бывает обманчива», - он улыбнулся, подмигнув. - «Хотел бы я с вами поболтать подольше, но мне нужно встретиться кое с кем до конца игры. Надеюсь, Лори, что у нас еще будет возможность продолжить разговор».

«Ну, вот так всегда! У меня еще остались вопросы!»

«В другой раз, вне сомнений», - сказал он именно в тот момент, когда толпа на противоположных трибунах взорвалась снова восторгами. Я взглянул на поле лишь затем, чтобы убедиться – Трояны заработали еще одно очко. Беглый взгляд на табло, чтобы удостовериться – счет 24-10 за минуту до окончания игры.

«Тебе, наверное, хочется прибить этого защитника?» - сказала Лори, покачав головой.

«Уже нет», - ответил я. Лори подняла на меня глаза, полные удивления: «Мужчина, я случайно, не обозналась?» - спросила она, пытаясь поймать мой взгляд.

К тому времени, когда мы вернулись вниманием к Джону, его уже не было. Мы оба кинулись искать его глазами в толпе, пытаясь выяснить, в каком направлении он исчез, но это было бесполезно.